

НЕВИДИМЫЙ МИР АНГЕЛОВ

Невидимый мир ангелов

«Новая мысль»

2006

Невидимый мир ангелов / «Новая мысль», 2006

У каждого христианина есть Ангел-Хранитель, стремящийся влиять на него таким образом, чтобы человек избирал верные пути. Он также охраняет нас от тысячи опасностей, встречающихся нам в жизни. Ангелам известны все детали нашей жизни, поскольку они сопровождают нас от колыбели и до могилы. Чем еще мы можем объяснить чудесное вмешательство невидимых сил, сохраняющих нас от беды? Время от времени мы осознаем их благословенное присутствие, но чаще всего мы не отдаем себе отчета в том, сколь многообразно их служение нам.

, 2006

© Новая мысль, 2006

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
О чудесах и существовании другого мира	8
Мир невидимый	12
О творении Ангельского мира	15
Размышления об Ангелах	18
Глава 2	21
О святых ангелах	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Составитель Алексей Фомин

Невидимый мир Ангелов

НЕВИДИМЫЙ МИР АНГЕЛОВ

Чудесные явления Ангелов людям, участие Ангелов-Хранителей в жизни человека, явления и чудотворения святых Архангелов

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 10-13-1065

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права защищены.

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Интернет-сайт издательства «НОВАЯ МЫСЛЬ» www.novm.ru

Предисловие

«Мир был бы весьма беден содержанием, если бы в нем существовало только то, что человек постигает одними своими внешними чувствами. Само существование в таком мире, без прошлого и без будущего, где смерть бесцеремонно обрывает всякое творческое начинание, всякое живое стремление к добру и счастью, было бы трагическим противоречием.

Но человек способен своим разумом и духовными чувствами значительно расширить свое понятие о мире и увидеть, что, кроме физического, есть великий духовный мир. Материализм конца прошлого и начала нашего столетия высмеивал саму возможность иных форм жизни, кроме тех, которые существуют на земле. Однако благодаря быстрому прогрессу науки за последние пятьдесят лет кругозор современного человека значительно расширился. Теперь известно, что вселенная, в которой мы обитаем, хотя и велика, но не бесконечна. Само представление о мире значительно одухотворилось. Ученые поняли, что материя не представляет собой твердую, неизменную и вечную сущность, но является одним из проявлений энергии. Энергия же может принимать и другие формы, совершенно не похожие на знакомые нам атомы и молекулы. Поэтому за пределами видимого мира могут существовать другие миры, совершенно отличные от нашего. Эти открытия науки, а также межпланетные полеты породили целое движение в современной литературе и киноиндустрии, в котором затрагивается тема встреч людей с существами из других галактик и миров. Это увлечение потусторонним и необычным, к сожалению, часто переплетается с нездоровой фантазией и носит полудемонический характер. Тем не менее тяготение к расширению рамок земного существования в современном человеке очевидно.

Взамен этой фантастики, а также бредней теософов и спиритистов христианская религия дает современному человеку четкое и здоровое учение о духовном мире. Христианская вера учит, что, кроме нашего физического, есть великий ангельский мир. Ангелы, подобно людям, обладают разумом, свободной волей и чувствами, но они – бестелесные духи. Фактически человеческий мир есть только капля в море разумного бытия»¹.

«Людам нынешнего времени свойственно отвергать все. Если они отвергают бытие Бога, то неудивительно им отвергнуть и бытие Ангелов, сотворенных Богом, так как они верят только тому, что видят своими глазами. Но из того, что человек не может постигнуть своими чувствами и видеть своими глазами, нельзя заключать, что этого не существует на самом деле.

Самое же правильное познание о бытии духов и их деятельности мы можем получать из Св. Писания и из свидетельств отцов Церкви. Постоянное местопребывание Ангелов есть небо, не то небо, которое мы видим, но небо высшее, небо небес, которое видел апостол Павел»².

«Конечно, человеку не дано всецело объяснить невидимый мир Ангелов и демонов, но ему достаточно христианских знаний, чтобы понять, как эти существа действуют в нашем мире и как нам следует отвечать на их действия...»³

Предание сохранило во всех народах понятие о существовании невидимого мира, то есть о загробной жизни душ человеческих, о существовании духов – существ, подобных душе человеческой, о существовании места, в котором добродетельные души наслаждаются блаженством, а злые страдают. Предание это, сохранившись в разных формах, но у всех народов, служит свидетельством о себе самом: свидетельством, что оно принадлежит всему человечеству.

¹ Александр (Миллент), епископ. Ангелы – благовестники воли Божией. Лос-Анджелес, Издательство храма Покрова Пресвятой Богородицы. Миссионерский Листок 14, 1998.

² Грузов, свящ. Загробная жизнь. Домашние вечерние беседы священника с прихожанином: о кратковременности здешней жизни, о смерти и жизни загробной вечной. М., Тип. Фаворского, 1888.

³ Серафим (Роуз), иеромонах. Православие и религия будущего. М., Русский паломник, 1995.

В заключение скажем: Божественное Откровение объяснило нам сотворенных духов, нашу душу, наше тело в той степени, в какой это познание нужно для нашего спасения. Как создание Божие духи, душа, самое тело наше, все предметы видимой природы остаются, в сущности, тайной для нас, будучи постижимы только отчасти. При благочестивом созерцании творений Божиих и по причине такого созерцания вступим в ряды созданий как несомненно принадлежащие к ним, прославим Создателя нашего и в недоумении пред Его всемогуществом и премудростью принесем смиренное и истинное исповедание вместе с Давидом: Чудна, Господи, дела Твоя! Страшно удивился еси! Удивися разум Твой от мене, утвердися: не возмогу к нему. «Бог наш, на небеси и на земли, вся, елика восхоте, сотвори»⁴.

⁴ Великий прокимен на вечера в Богоявление.

Глава 1

Невидимый сверхъестественный мир

О чудесах и существовании другого мира

Чудеса – абсолютно неизбежный спутник и признак сверхъестественного мира и веры в него. И обратно: если мы сомневаемся в чудесах, этим самым мы обнаруживаем лишь свое маловерие и в Бога...

Для неверующих же в Бога нет никакой высшей силы, кроме этого мира. Но в таком случае с подобными людьми следует говорить их же языком ума и естественных вещей: из незнания и непостижимости нельзя делать вывода о небытии. А кроме того, и в этом мире – множество дивного и уму непостижимого. Значит, умный человек в самом меньшем случае должен, обязан благоразумно заявить: «Не знаю, все возможно». А отрицать ничего не смеет. Но тут отрицатель может выставить такое возражение: чудеса противоречат уму нашему. Это – неправильно! Разберемся.

В логике строго различаются два термина: «противоречие» и «противоположность». Это не одно и то же. Под «противоречием» подразумевается такое положение, когда одно (А) совершенно исключает другое (В). Например, я говорю, что такая-то вещь существует, а другой говорит обратное: она не существует. Третьего положения уже быть не может: или есть, или нет – что-нибудь одно верно, а этим верным исключается другое, ложное.

Иное дело – «противоположность». Противоположными вещами называются те, которые отличаются одна от другой. Например, цвета: зеленый, красный и проч. считаются не противоречащими, а «противоположными» или просто отличными, разными. И один цвет не исключает другой: вещь может быть выкрашена и в один цвет, и в другой, и в третий.

Такое различие терминов в логике известно всякому школяру. С таким пониманием подойдем теперь к чудесам и тайнам.

Я расскажу весьма интересный случай из жизни. Ко мне, к архиерею, пришел молодой, лет 25–26, еврей, студент высшего учебного заведения, с просьбой разрешить ему креститься и сделаться христианином. Я, по долгу своему, стал спрашивать его о мотивах такого необычайного для евреев намерения. Все оказалось чисто. Тогда я спросил его о предметах веры. Знает все нужное. После всего я уже начал беседу об отношении веры и знания. Студент оказался весьма вдумчивым, серьезным. И между другими вопросами я задал ему такой:

– А не смущает ли вас, что мы, верующие христиане, допускаем множество тайн, чудес? Не кажется ли вам, что это противоречит нашему уму? Не отрицает ли это «законов мышления», к коим мы привыкли в этом мире? А если противоречит и отрицает, то не ставится ли тем самым под сомнение весь тот мир?

Недолго думая, он ответил мне так:

– Нет, это меня не пугает.

– Почему? – спрашиваю.

– Так должно быть. Там, где начинается сверхъестественный мир, на этой грани кончаются законы данного, естественного мира.

Я поразился тогда его умному ответу.

И несомненно, что он не придумал его заранее, а как глубокий человек легко понял разницу между двумя мирами. Правда, он не устранил разницы между «противоречием» и «противоположением»; но сущность суждения была совершенно правильная. Раскрою подробнее его и мои мысли об этом.

Что такое «законы»? Часто мы их воображаем какими-то нормами, будто стоящими вне бытия; а мир должен им подчиняться, как посторонним меркам. В самом же деле законы – это не что иное, как формулы бытия. Или – то же самое бытие, свойства которого путем отвлечения их от конкретных отдельных случаев возводятся в общие положения, которые и называются потом «законами». Например. Мы на опыте (а не прежде его) видим, что все известные нам материальные вещи подлежат измерению – в длину, ширину и высоту. Исключений не знаем. И тогда мы делаем общий вывод: все материальное – трехмерно. Получился «закон».

Вещи, брошенные вверх, всегда падают на землю, следовательно, есть закон «притяжения». Значит, под законами нужно, собственно, понимать просто свойства природы или отдельных творений. Еще прямее: законы – это тоже само бытие. И следовательно, не бытие, не природа зависит от «законов», а «законы» зависят от бытия или являются отвлеченными формулами его свойства.

Такое рассуждение, само по себе ясное, нужно мне для того, чтобы люди не очень пугались страшного слова «законы», а главное, для того, чтобы дальше сравнивать не законы ума с законами другими, а просто: одно бытие – с другим бытием. И тогда легче понять, что одно бытие не «противоречит» другому, а только «противопоставляется» ему, «различается» от него по своим свойствам («законам»). А никакое одно бытие не может никак исключить другого: цвет красный не исключает желтого, одна планета – другую, обоняние не отрицает вкуса, слух – зрения. Все это – лишь различные области. Не больше!

Для ясности припомню одну небольшую брошюру, давно попавшуюся мне: если не изменяет память, ее написал знаменитый художник Виктор Михайлович Васнецов. Автор там рассказывает про обитателей болота. А за болотом – зеленый луг, дальше – лес. По лугу ходит корова и рвет спокойно траву. Лягушка – на рисунке обложки – из болота смотрит на корову и, с несомненностью, думает: у нее – как и у людей, и у птиц – кровь такая же холодная, как и у самой лягушки; да она и не знает иной крови.

Рыбы, видя, как люди и животные обходятся без воды и не задыхаются от воздуха – что бывает с ними, – в изумлении могут думать: как это возможно? Но не смея отрицать фактов, рыбки благоразумно лишь дивятся «чуду»: у них – не так!

Вот эти болотные рассуждения совершенно можно применить и к людям, дерзающим на основании одних «законов» отрицать другие – на основании одного бытия отрицать возможность иного. Мир водных обитателей – один, теплокровных – другой; да и в воде-то еще живут и теплокровные (бегемоты, киты, носороги). Это – разные миры, разные и их свойства, или законы.

Перенесем эти суждения на мир веры, на сверхъестественный порядок бытия. Торопливые отрицатели не признают его вообще или тех и иных чудес его потому, что эти явления отличаются от явлений земного порядка или, как обычно говорят, «противоречат естественным законам». А потому – думают они – тот мир нельзя и допустить; иначе просто его нет.

Таким образом, неверующие меряют другой мир мерками этого мира, к «тому» бытию прилагают законы «этого» бытия; короче, этим бытием меряют другое, а так как они оказываются несходными, то другое бытие просто отрицается как невозможное.

Рассуждение, как очевидно, совершенно болотное, но и там дело обстоит лучше. Рыбы изумляются, но людей не отрицают, хотя те живут на суше.

Ведь по такой логике – из-за непостижимости и из-за неподобия одного бытия сравнительно с другим – людям следовало бы не признавать ни рыб – ибо те живут в воде, чего не может человек; ни птиц – ибо они летают в воздухе. Однако люди таких выводов не делают. Почему? Потому что «видят» факты? Да! Это – правильно! И по отношению к миру сверхъестественному всякий может требовать доказательств его реальности, фактичности: этот путь – законный и верный. И далее об этом будет самая серьезная речь, в ней выясним центр и путь познания. Мы же тоже хотим признавать реальное бытие, а не измышления наши. Но в том

беда интеллигентных безбожников, что они раньше этого условия (реализма того мира) уже отрицают его из-за простого неподобия (или, как неверно говорят, «противоречия»). Потому и требуется нам опровергнуть это со всей решительностью борьбы против неумных и противоположных выводов.

Можно ли мерить законами этого мира тот мир? И следовательно, можно ли отрицать чудеса? Абсолютно невозможно!

Послушаем хоть самые слова. Мы говорим: «тот» (а не «этот») мир, «иной» (т. е. отличный, другой) мир, «сверхъестественный» (а не естественный) мир или – «небесный» (а не земной) мир. Следовательно, с самого начала мы, верующие, утверждаем различие этих двух миров по их природе, свойствам, силам, проявлениям, или – как говорится – по законам.

Это – очевидно! Но в таком случае какое же право имеют неверующие, когда к иному миру прилагают мерки этого? Они говорят: ваш тот мир не похож на этот! Конечно, – отвечаем мы, – не похож! Мы раньше вас сами утверждали это. Но это еще не самая большая вина и ошибка ваша – а другое: из этого неподобия вы делаете неразумный вывод о небытии того мира – якобы невозможно, раз он не похож на этот, известный вам мир. Вот где ваше преступление!

И если мы говорим «иной» мир, то ясно, что у него и законы (или свойства) – иные, не противоречащие, а особые, отличные от законов этого мира. Неподобие не есть небытие. И совершенно прав тот молодой еврей, который так четко сказал: там, где начинается сверхъестественный мир, на этой грани кончаются законы естественного мира.

Для окончательного пояснения возьму очевидный пример: я живу, допустим, на первом этаже; со мной рядом храм, запах ладана проникает оттуда и ко мне. Надо мной – второй этаж, другие люди, о которых я ничего не знаю и комнаты которых я даже никогда не видел. Могли бы сказать, что и у них пахнет ладаном или не пахнет ладаном? И вообще, что они живут так же, как и я? Это было бы неразумно. И лучше всего предположить, что там, где кончается моя комната, где устроен потолок, а для других людей – он пол, на этой грани кончается запах ладана. Правда, мой запах может проникнуть и к ним, но не обязательно. Если есть какое-либо соприкосновение моего пространства с их жилищем (через коридор и лестницу или даже через открытые окна), то ладан залетел и к ним, и тогда уже изменится и их воздух.

Это сравнение дает мне возможность ответить и на последующее возражение о чудесах: может ли иной мир вмешиваться своими законами (действием) в это бытие?

Отрицатели не признают этого. Но на каком основании? Абсолютно без всякого основания. Больше этого: вопреки разумности и опыту. В самом деле, если я ничего не знаю о том мире (а не знать, как мы видели, не значит отрицать, наоборот, можно допускать), то вообще я не знаю и о его силах и возможностях. В частности, совсем не знаю, может ли он вмешиваться в этот мир и применять законы его. Чего не знаю вообще, того не знаю и в частности. Скорее нужно сказать иное: «все возможно», «ничего не смею отрицать». Это обязан говорить и неверующий.

И особенно это верующие должны сказать про сверхъестественный мир потому, что мы тот мир признаем несравненно более высшим, могущественным. А высшее может вмешиваться в низшее и изменять его явления... Запах ладана может проникнуть и на другой этаж и смешать там весь воздух.

Или другой пример. Вот недавно в Нью-Йорке было странное явление: вдруг перестали действовать телеграфные провода. Оказалось потом, что какая-то иная сила вмешалась в нашу область и на время приостановила обычное действие электричества. Так и силы сверхъестественного мира могут переменить действие сил («законов») этого бытия.

И когда мы говорим о «чудесах», то предполагаем именно переменение законов одного мира вмешательством другого.

Иногда некоторые говорят, будто чудеса «сверхъестественны, но не противоестественны». Это будто красиво и умно выглядит. Но я полагаю, что и здесь еще говорит пугли-

вость перед умом и законами природы. Верующий же человек не только не боится признать чудеса сверхъестественными, но считает их и противоестественными, т. е. «противными», отличными, несогласными с обычными законами природы явлениями. Стоять воде стеною, конечно, «противоестественно», остановиться солнцу и луне и не испепелиться – противоприродно. И если я говорил выше, что чудеса не «противоречат» «законам бытия», то это относил к законам иного бытия и вообще – к «законам мышления», а мышление мое совершенно допускает и даже необходимо требует для другого мира и других законов, совершенно отличных от наших законов, но не исключающих двух разных законов!

Но если бы кто сказал вместо слова «разные», «противоречащие» – это было бы логической ошибкой терминов.

Впрочем, для более простого и неточного мышления можно допустить и употребление слова «противоречить», если под ним подразумевать понятие «несогласны, отличны, различны». И тогда про все таинственное и чудесное можно сказать, что оно «противоречит» природе и ее законам. Но только не нужно бояться ни этого слова, ни самого факта чудесности: наше мышление допускает возможность чудес, но не в этом земном мире, а в другом, и при вмешательстве его сил в силы данного порядка. Подведу итоги сказанному.

При таком ясном и правильном отношении к чудесам мы не сделаем ложного, неразумного вывода, что непостижимость их ведет к отрицанию, не позволим сказать, что неподобие двух миров, их сил и законов ведет к небытию одного из них. Наоборот, разумный человек (верующий, а равно и неверующий) должен допустить это неподобие, различие, противоположность; и тогда чудеса не только не будут пугать нас, а окажутся и допустимыми, и даже необходимыми для иного мира. Без «чудес» не может быть сверхъестественного мира.

А потому если кто-либо (хоть, для примера, Толстой) допустил веру в Бога – в какой бы то ни было степени, то тем самым, безусловно, обязан допустить и возможность «чудес». Если же он (как и Толстой), веруя, как бы то ни было, отрицает чудеса, то этим он доказывает лишь собственное недомыслие. И только! Неверующий же в самом крайнем случае должен сказать о всяких других мирах и их законах: «Не знаю». Больше того: он как ничего не знающий о них может допустить даже не один сверхъестественный мир, а любое множество их, но не смеет, по логике, отрицать и единый мир, и единое сверхъестественное явление. Поступая же иначе, он обнаружит лишь свою собственную дерзость и неразумие.

Таким путем мы убрали с пути веры еще один камень: из неподобия нельзя делать вывода о небытии чего-нибудь; поэтому чудес не бойся!

Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. М., 2002

Мир невидимый

Много дивных красот рассеяно перед нашими взорами щедродательной десницей Вышнего. Поля, луга, желтеющие нивы, испещренные изумрудными цветами, одетыми так, как и Соломон не одевался во всей славе своей, дремучие леса с их несмолкаемыми трелями пернатых, дикие горы, ущелья и скалы, застывшие как бы в своей величавой задумчивости, море безбрежное, синее, со своими пенящимися бурливыми волнами, тихий ручеек, мирно и нежно журчащий где-либо в зеленой долине, звонкая песнь жаворонка, уносящаяся ввысь, небо тысячеокое, звездное, все это – и в поле каждая былинка, и в небе каждая звезда, – все мироздание полно таких неизъяснимых красот, что правда, по признанию одного учителя Церкви, не выдержал бы ум, не вместило бы сердце, если бы мы, рождаясь сразу взрослыми и сознательными, вдруг увидали бы все эти красоты; правда, понятен становится и восторженный гимн Царя-псалмопевца в честь Творца всей этой красоты: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс. 103, 24).

Но... что суть все эти видимые красоты в сравнении с невидимыми! Что суть эти видимые красоты, как не отблеск, как не тени от незримого очами? Есть, возлюбленные, за этим видимым нами звездным небом, есть другое небо – небо небес, куда восхищен был некогда великий апостол языков и где слышал и видел он то, «ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша». Небо это также усеяно звездами, но такими, которых мы и представить теперь себе не можем, звездами, никогда не спадающими, присно сияющими, утренними звездами, как написано в Писании: «при общем ликовании утренних звезд утверждены были основания земли и положен краеугольный камень ее» (Иов 38, 76). Эти утренние звезды – Ангелы Господни.

Есть два мира – видимый и невидимый. Первый мир легко познаваем. Явления видимого мира доступны наблюдению и самому точному изучению. Поднебесные высоты, наземный мир и подземный – все это исследовано и исследуется человеческим умом. Завоевания и открытия человеческого ума в этой области поразительны.

Но уже и в этом, ясном для ума, мире есть тайны. Такой тайной является существенная сторона почти каждого явления. Мы, например, никогда не поймем, как земные соки превращаются в траву, цветы, деревья и плоды, как одни и те же соки в различных породах деревьев дают различные плоды; как в человеческом организме принятая пища превращается в кровь, мускулы, кости, нервы и т. д. Эта существенная сторона явлений видимого мира – несомненна, но таинственна и непостижима.

Если и видимый мир – таинственен, в своей сущности непостижим, то сколько глубочайших тайн ум человеческий встретит, прикоснувшись к миру невидимому! Мир невидимый, духовный прикрыт такой завесой, которую человек никогда не приподнимет. Любознательность человеческая, пылливость ума во все времена направлялась к небу, к невидимому миру, стараясь, насколько возможно, проникнуть, уяснить таинственную, но несомненную область бытия; но земной светильник – ум человека – оказывался слабым, и тусклое мерцание его не освещало необъятного, духовного мира. Мир невидимый – мир веры, мир внутреннего сердечного признания.

Сокрыт и непостижим мир веры, но у разума есть глубокие основания и есть явно наглядные факты, на которых покоится вера в невидимый мир, которыми на все времена утверждается непоколебимое признание бытия невидимого, непостижимого, но, несомненно, существующего мира.

Как в мире видимом мы хотя и не постигаем таинственной существенной стороны явлений, но признаем несомненность их бытия, так и в области невидимого мира ум человека принимает как несомненную истину бытие духовного мира, хотя и не постигает его лицом к лицу.

Человек признает бытие святых Ангелов, окружающих Престол Божий и непрестанно прославляющих Творца мира; Ангелов, воздействующих на человека, охраняющих его от зла, направляющих на путь добра и спасения, а с другой стороны – злых духов, виновников зла в мире.

Какие же основания для признания невидимого мира среди видимой вещественной природы? Откуда мы черпаем основания допускать, что среди видимых нами предметов в воздушном материальном пространстве, хорошо изученном и исследованном, есть еще другой, духовный мир, который мы не видим и видеть не можем? Эти основания разум приобретает, наблюдая над человеком, его духовно-телесным составом и деятельностью. Изучая самого себя, человек находит в себе душу и тело. Тело видимо и познаваемо, душа же невидима и в своей сущности непостижима. Что такое дух? В какой части тела находится душа и как она действует на тело, а тело на душу? Как окружающий материальный мир, отражаясь в теле, переходит в душу – в виде чистой мысли, чувства? Мы всего этого не знаем и не узнаем. Эта существенная сторона жизни человека так же сокрыта, как сокрыта таинственно существенная сторона явлений видимого мира.

Но наш ум стоит перед несомненным фактом – существованием души, мыслящей, познающей, чувствующей, действующей через телесные органы, через окружающую природу на людей и на мир, имеющей нематериальную природу и особые законы жизни и деятельности. Бытие этого таинственного духа настолько несомненно, что люди всех времен и мест признавали душу как жизнь самостоятельную, отдельную от тела. Если бы мы свели все мировоззрение к одному, то оно выразилось бы в следующей форме: есть душа; она находится в теле; она разумна, свободна и бессмертна.

Факт пребывания духа в теле человека, в материи, дает основание признать бытие и пребывание духовного мира и в необъятной материальной вселенной. Для человеческого ума становится совершенно ясным и вполне допустимым, что в мире материальном может невидимо пребывать духовный мир, мир существ свободных, разумных и бессмертных; а также совершенно ясным и допустимым и то, что эти невидимые духовные существа, подобно душе, могут воздействовать через окружающую материальную природу как на людей, так и на саму природу. Что такое эти духи? Где они? Как они пребывают в материальном мире? Как они живут и действуют? Эта таинственно-существенная сторона непостижима для ума человека, как она непостижима в человеке и в видимой природе; но это не отнимает у разума права признать мир невидимый, сознательный, живущий и действующий в материальном мире, ибо он признает как факт бытие души в материи, ее деятельность через материю, тело человека.

Непостижим невидимый мир в своем бытии, непостижим и способ воздействия и влияния невидимого мира на людей; но само действие есть тот явно наглядный факт, который «понуждает» ум человека признать бытие таинственного, невидимого мира и его влияние на человека. Действия эти очевидны для всех, кто хотя сколько-нибудь следит за своей внутренней жизнью, за возникающими настроениями, мыслями и чувствами.

Укажем на эти факты, на эти очевидные явления нашей душевной жизни.

Всякому человеку неоднократно случалось испытывать действие невидимых духовных сил, переживать те душевные состояния, которые вызывались добрыми Ангелами или злыми духами. Кому из нас не приходилось переживать мрачные часы греха, воспламенения страстей гнева, злобы и ярости? Бывают минуты, когда человек всецело, весь охватывается грехом; настолько поработается греху, что не в состоянии противостоять ему, да он и не хочет бороться: нет к тому ни силы, ни охоты. Грех доставляет наслаждение. Вот, например, человеком возобладало чувство мести; он весь горит от ярости, придумывает способы гибели врага, в уме видит эту гибель и... торжествует. Иной охвачен страстью, безумной, неудержимой страстью. Услужливое воображение, рисуя картины греха, еще более воспламеняет душу нечистым огнем. Страсть усиливается, охватывает душу и тело, и человек всем своим составом опускается в бездну греховную и валяется в нравственной грязи. И сладко ему жечь себя огнями стра-

стей; он не только не старается освободиться от этой грязи, но охотно и свободно пребывает в ней и оттолкнул бы всякую добрую мысль, так как такая мысль помешала бы наслаждаться грехом. К этому настроению присоединяется влияние товарищества и окружающей обстановки, влекущих в ту же область греха и постыдного служения страсти...

Вдруг неожиданно, мгновенно всплывает мысль, совершенно противоположная греховному настроению духа! Как блеснет молния и мгновенно осветит мрачный небосклон, так среди греховного мрака блеснет светлая, чистая, спасительная мысль. Кто бросил этот светлый луч? Кто заронил эту чистую искру в мрачную душу? Ни в мире видимом, ни в душевном настроении, ни в течении мыслей и чувств, ни в окружающей обстановке не было решительно никакого основания для возникновения чистой мысли. Какая же сила внушила эту мысль? Остается одно – допустить, что в материальном мире находятся невидимые, сродные духу нашему существа, которые и влияют на нашу душу, что добрая мысль есть воздействие Ангелов, служащих добру и ведущих человека ко спасению. И дивно! Эта ангельская мысль, это зароненное доброе чувство растет, крепнет, вытесняет грех, освежает и очищает человека. Как некогда камень, преобразовавший Спасителя, оторвался от горы, рос, вырос в гору, покрывшую мир, так чистая мысль, оторвавшаяся от невидимого чистого мира, вырастает и наполняет весь состав человека. И перед нами уже новый человек: не тот распутный, злой, грязный, а чистый, хороший, добрый, мирный человек...

Также бывает неожиданно появление дурных мыслей и чувств, когда человек переживает чистое, возвышенное настроение. Вот человек вошел в храм помолиться, искренно молится, сосредоточился на том, что слышит и видит в церкви. Слово Божие, церковное прекрасное пение, слово пастыря унесли его далеко, далеко от греховного мира и суеты, влили в него новую чистую струю жизни; и человек чувствует неизъяснимо сладостное состояние при этом святом настроении. Нечасты и потому дороги такие светлые, святые минуты! Но... вдруг в голове блеснула мысль такая грязная, черная. Откуда эта черная мысль? Беспричинных явлений не знает ни мир материальный, ни мир духовный. Действие это есть действие невидимой силы, но уже не доброй, а злой, ищущей разрушить и погубить все доброе и посеять злое, греховное.

Следовательно, есть особые основания, есть очевидно наглядные факты, на основании которых человек верует в существование невидимого, духовного мира и принимает учение о добрых и злых духах. Душа – в теле, Ангел – в мире.

Прот. Н. Колпиков. О мире невидимом – Ангелах и злых духах. Киев, 1904

О творении Ангельского мира

Единый Триипостасный Бог, обладая абсолютной полнотой всех совершенных качеств для вечной славы и блаженства в Своей исключительно Божественной жизни, мог и не создавать мир и человека. Но, будучи бесконечно благим и любвеобильным, Бог по Своему свободному изволению восхотел вызвать из небытия в бытие всю Вселенную, то есть силою Своего всемогущего слова (да будет!) создал из ничего мир и человека и с тех пор непрестанно промышляет о Своем творении.

Прежде всего Своей Божественной мыслью Бог создал из ничего мир невидимый, Силы Небесные, постоянных песнопевцев Его Божественной славы. Этот так называемый умный мир, ангельский, по данной ему благодати всегда и во всем предан Божественной воле. Самое имя – Ангел, – по учению Церкви, указывает не на природу, а на должность этих посланников Божиих, а потому в этом смысле имя Ангела в Св. Писании присваивается не только Ангелам в точном и собственном смысле этого слова, но и разным посланникам Иеговы из людей. Сам Мессия иногда называется Ангелом Завета. В Новом Завете Иоанн Предтеча называется Ангелом. Но в строгом смысле Ангелы суть разумные, духовные существа, отличные от Бога и от человека, и притом существа действительные, а не воображаемые. По природе своей Ангелы суть духи, но ограниченные. Существовало частное мнение среди учителей Древней Церкви (Иустин Мученик, Ориген), что у Ангелов есть тело – особое, тончайшее, эфирное или огненное; но это мнение не было принято всей Церковью. Если Ангелы и являются иногда в чувственных или телесных образах людям, то этот образ принимают они для явления человеку. То же самое можно сказать и о языке (речи) небесных посланников, то есть не приличествует понимать грубо, буквально и вещественно. В этом смысле понимает Св. Церковь и слова ап. Павла: «Я говорю языками человеческими и ангельскими» (1 Кор. 13, 1). Бесплотный мир ангельский представляется в Св. Писании необычайно великим по числу. Ветхозаветный Тайнозритель созерцал, как «тысяща тысяч» служила Сидящему на Престоле и как «тьмы тем предстояли Ему» (Дан. 7, 10). Новозаветный Тайнозритель видел окрест Престола Божия «тьмы тем и тысячи тысяч» (Откр. 5, 11). Однако в этом многочисленном мире ангельском существуют подразделения или степени.

Сотворив мир невидимый, Господь из ничего создал потом мир видимый или вещественный и, наконец, человека. Этот венец творения как состоящий из невидимой разумной души и вещественного тела, часто называемый малым миром, носит в себе образ видимого и невидимого мира.

Основанное на Божественном Откровении православное учение о происхождении всего, существующего вне Бога, из ничтожества или из совершенного небытия творческим актом Всемогущего Бога, трудно было понять мудрым мира сего. И древние, и новые мудрецы впадали в глубокие заблуждения в своем учении о происхождении мира. Одни из них (Гераклит, Ксенофан, Аристотель) признавали, что мир вечен, другие (индийские философы и неоплатоники) учили об истечении мира из Бога; третьи (Демокрит, Эпикур) верили, что мир образовался сам собой, в силу какого-то слепого случая, из вечного хаоса, т. е. из якобы вечно существующей массы атомов; четвертые (Анаксагор, Зенон, Платон, Сенека) утверждали, что Бог создал мир из совечной Ему материи. Никто из них не мог возвыситься до понятия о сотворении мира из ничего силой Всемогущего Бога как Первопричины всего существующего. Появлялись и во времена христианские такие вольнодумцы, которые своими более чем странными и невероятными объяснениями происхождения мира даже перещеголяли древнеязыческих мудрецов. В своем мудрствовании лукавом некоторые (например, Керинф) договорились до того, что стали учить о сотворении вещественного или внешнего мира Ангелами из вечной материи

и без ведома Бога. Еретики манихеи и офиты додумались до сотворения мира злым началом – дьяволом. В средние века павлиане и богомилы учили, что мир создан дьяволом или сатанайлом. Учение о вечной материи, из которой произошел мир (пантеизм), и учение об истечении или развитии мира из Бога (эманация мира) были осуждены Православной Церковью на основании не только Божественного Откровения, но и здравого смысла.

Идеи вечности Бога и временности мира, сотворения мира из ничего или чистого творения истинно культурные люди в наши дни постигают не только чувством, но и логикой, на которую любят ссылаться мудрецы и премудрые мира сего. Именно эта логика вдумчивого размышления никак не позволяет нам объяснять происхождение мира силой слепого случая, без всякой причины. Все в мире имеет свою причину. Бесконечный и безначальный ряд причин немислим, как немислим поток без начала. Вот разум-то наш не слепо, не интуитивно только, а и логически, без всяких скачков, честно и до конца размышляя, и доходит до признания такой Первопричины мира, которая, не будучи следствием другой причины, в Себе заключает и Свою причину всего существующего. Вот это-то Премирное, Высочайшее и Абсолютное Существо и есть Истинный Бог и Творец мира. Что легче для нас: приписать всю красоту, порядок и гармонию в мире Высшей Разумной Первопричине или же слепому случаю сцепления атомов? Что легче и успокоительнее допустить: вечность Разумной Первопричины или вечность атомов, в силу какой-то неизвестной причины когда-то пришедших в движение? Конечно, о вкусах не спорят. Пусть сторонники Канто-Лапласовской теории утешают себя тем, что «уплотнившиеся центры от неизвестного толчка (слышите? от неизвестного!) пришли в вихреобразное вращение и... образовали мир». Пусть успокаивают они свою любознательность «вечно существующей раскаленной туманностью», откуда «пошла вся вселенная», а мы, преклоняясь пред Высшей Разумной Первопричиной всей вселенной, будем радостно прославлять Присносущную Силу Его и Божество.

Нет, нам не по дороге с теми, кто уподобляет всю вселенную большому кораблю, неизвестно куда плывущему без разумного кормчего. Нам понятны и дороги те философы и ученые, которые с незапамятных времен выстрадали долгими размышлениями, во смирении, а не в гордыне своей, логическую необходимость признания Разумно-Самобытной Первопричины всего существующего, независимо от того, как называть эту Первопричину: Премудрым Разумом, как учил в V в. до Р.Х. Анаксагор; Благим Разумом (Платон), Премудрым Архитектором (Аристотель), Верховным Законодателем совести и Судией (Кант), Высочайшим Разумом (Шеллинг), Премудрой Единой Волей (Лотце) и так далее без конца. Не закружилась голова от гордыни и у великих людей науки, ибо «гордость, – по словам Амиеля, – есть граница ума». В истинном же гении с умом уживается и смирение. Не отказались от Бога ни Галилей, ни Коперник, ни Ньютон.

Напрасно сомневающиеся в бытии Божиим безбожники ждут, пока наука скажет им окончательно: есть Бог или Его нет. Науки естественные и прикладные не занимаются вопросами о Боге. Это не их специальность. В личной же своей жизни ученые так или иначе разрешают для себя этот вопрос, пользуясь здравым смыслом, красотами Божьего мира и теми выводами, которые были сделаны философами и богословами во дни расцвета богословской мысли и философии. Как известно, науки прикладные и естественные все внимание уделяют изучению уже существующего, окружающего нас мира и тех законов, которым этот мир и жизнь в нем подчиняются. Если нас, людей верующих, интересует вопрос, как образовался мир, то науку интересует, как лучше назвать, определить первобытную мировую материю или энергию, каким законам подчиняется эта материя или энергия. Именно логика и только одна логика неумолимо требует и от ученых, когда они начинают углубляться в богословско-религиозные, далеко не чуждые им размышления, что Первопричина мира есть Премудрое Начало, Личное и Сознательное. Только тогда все в мире становится понятным и объяснимым. Ошибаются пантеисты, хотя и признающие Первопричину (Бога) в мире, но утверждающие, что эта Пер-

вопричина творила бессознательно. К такому заключению пришли пантеисты-пессимисты – Гартман и Шопенгауэр. Эти и им подобные философы говорят, что Первопричина могла бессознательно проявлять целесообразные силы в устройстве вселенной так же, как животные бессознательно выполняют целый ряд целесообразных функций. Но для здравого смысла естественнее допустить, что природа потому и действует целесообразно, хотя и бессознательно, что своим устройством с неумолимыми вложенными в нее законами она обязана Сознательной Сущности. Гораздо было бы логичней между Богом и природой провести ту же параллель, то же взаимоотношение, которое существует между человеком и созданной им бессознательной, но целесообразно работающей машиной. Если же разумно и логично признать существование личного Сознательного Бога, то вполне логично допустить и целесообразность Сверхъестественного Божественного Откровения и религии как живого союза Личного Бога с разумно-свободным, созданным Им по Образу и Подобию Божию человеком. Только в Божественном Откровении мы находим ответы на все вопросы пытливого ума человеческого, на которые не дают нам ответа ни наука, ни философия. Это из Откровения мы узнаем, что зло в мире – результат падения некоторых Ангелов и первобытного человека, вышедших из рук Творца чистыми и невинными, но через гордыню и злоупотребление своей свободной волей нарушивших первоначальную мировую гармонию. Только из Откровения мы узнаем о жизни Творца и Вседержителя – совершенно непостижимый нашей логикой догмат о Пресвятой, Единосущной, Животворящей и Нераздельной Троице или о Троическом Единстве Бога в Самом Себе.

Бог есть не только Творец, но Вседержитель и Промыслитель. Он печется о всех существах мира, а это заключается в сохранении тварей, содействии им и управлении ими. Сохранение – это такое действие Промысла Божия, когда Всемогуший содержит в бытии весь мир и все частные существа, в нем находящиеся, с их силами, законами и деятельностью. Содействие – это такое действие, которое Всеблагий проявляет по отношению к свободно-разумным тварям, помогая им, когда они свободно избирают и творят доброе. Когда же творят злое – то только попускает. Управление – это такое действие, которым Промыслитель направляет жизнь тварей к предназначенным целям, обращая иногда самые их дела к добрым последствиям. Промысл Божий, по точному смыслу Слова Божия и учению отцов Церкви, разделяется на общий, обо всем мире, и частный, о каждом частном существе. «Как может не радеть о Своей твари Тот, Кто по Своей бесконечной благодати создал мир?» – говорит Блаженный Феодорит. Всемогущему и Вездесущему Богу не стоит ни малейшего труда промыслить о Своем творении. Без Промысла Божия не было бы изумительного порядка, и мир, носимый случаем, как вихрем корабль, должен был бы превратиться в первобытный хаос и неустройство. «Будучи вызван из ничтожества, он (мир) не мог бы существовать сам собою», – говорят Афанасий Великий и Кирилл Александрийский. «Кто отвергает Промысл Божий, тот отвергает и Самого Бога», – говорят св. отцы. Хотя Промысл Божий объемлет все в мире, однако свобода духовных и разумных существ этим не нарушается и разные виды зла не делают нареkania на Мироправителя. Вот почему так называемый Деизм (философское направление, признающее Бога-Творца, но отрицающее Промысл Божий в мире), совершенно отвергается Церковью.

Профессор Г.А. Знаменский. О творении невидимого или ангельского мира. Православная Русь, № 22, 1972

Размышления об Ангелах

Существование Ангелов не подлежит сомнению для тех, кто верует в Священное Писание и своей руководительницей при его толковании признает Св. Православную Церковь. Ангелы – светлые духи, служители Бога во вселенной; они охраняют людей; они наполняют тот высший мир, который недоступен нашим несовершенным чувствам; но человеческий разум, несмотря на свою ограниченность, может ясно себе представить, что они довершают общий строй творения, насколько тайный смысл его нам понятен.

Нам известны на земле три степени развития жизни: растение, бессловесное животное и человек. При сравнении этих трех форм жизни естественно вытекает закон возрастающего перевеса единичности или личности над видом или родом. В растении существует только вид; там нет самостоятельной единичности.

У животного вид еще преобладает; оно находится под владычеством инстинкта, который не что иное, как сила вида над единичностью. Подчиненное непреодолимому закону животное не может самостоятельно взять собственного решения; отсюда проистекает отсутствие ответственности и способности к улучшению.

Переходя к человеку, мы замечаем большую разницу. Род еще силен в человеке, который обязан своим существованием родителям, что и составляет зависимость его от рода. Но закон инстинкта не имеет над ним роковой власти; человек может бороться с побуждениями природы, преодолеть их и покорить чувству нравственного долга при свете рассудка и совести. И если он может, то он должен это сделать, если же он пренебрегает этим преимуществом, он остается наравне с животным и даже превосходит его грубостью, он в наказание опускается ниже тех инстинктов, которые он должен был побороть. От возможности борьбы проистекает способность к усовершенствованию. Инстинкт – начало и временная охрана личности. Исходная точка ее развития. Если человек преодолет это препятствие действием разумной воли, перед ним открывается широкое поле нравственного развития и совершенства, личного и общественного. Не существует ли четвертой степени, возвышающейся над третьей, которая заканчивала бы общий строй творения, т. е. отдельной личности без рода? Это понятие означало бы способ существования, в котором каждое лицо было бы обязано своим бытием непосредственно творческой воле, и не есть ли это Ангел?

Такой образ бытия, есть именно тот, который Св. Писание приписывает этим таинственным существам, всегда называемым «сынами Бога», никогда сынами Ангелов. В самом точном показании Св. Писания о природе Ангелов Иисус Христос устанавливает замечательное сближение между Ангелами и прославленными верующими. Которые «и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения» (Лк. 20, 36). Мы можем заключить из этих слов, что тела воскресших будут им подобны и что в будущей жизни и те, и другие будут одинаково носить название сынов Божиих.

Признав, что Ангелы имеют свое определенное место в общем строе творения, можем ли мы узнать что-либо об их бытии и об их природе? Св. Церковь допускает изображение Ангелов в телесных образах, так, как они являлись людям, возвещая волю Божию, не станем, однако, воплощать их, приписывая им на самом деле крылья, но и не будем отвергать. Где находится жилище Ангелов? В небесах ли, где сияют звезды? Это объяснило бы выражение «Господа сил», имеющее как бы двойное значение, когда оно относится к «Богу светил» и к «Богу Ангелов» и подтверждается прошением в молитве Господней: «да будет воля Твоя яко на небеси». Быть может, есть сферы, которые отделены от нашей менее по расстоянию, чем по отличительным качествам. Когда Иисус Христос говорит про тех, которых Он называет «малыми», что их Ангелы видят непрестанно Бога, т. е. что они самые близкие существа к Его Престолу, мы можем полагать, что эти Ангелы не обитают над облаками, в светилах, блистающих над землей;

они и выше, и ниже этого; выше – как близко стоящие к Престолу, и ниже – как приставленные к тем «малым», которые нуждаются в их покровительстве. Небо, где они обитают не в большом расстоянии от нашей сферы; оно, быть может, проникает ее насквозь, как неосязаемый эфир пронизывает осязаемую природу.

О нравственной природе Ангелов мы знаем, что они существа свободные; они должны быть еще свободнее человека, который тянет за собой тяжелую цепь коллективного существования и невольной общности рода. Закон же для существа свободного – испытание; едва человек был поставлен на поприще своей будущей деятельности, он был подвержен этому закону. Возможность повиноваться или сопротивляться – вот первый дар Божий свободному существу после того, как Он дал познать ему Себя как Творца, даровавшего ему бытие и все истекающие блага. И что такое жизнь человеческая, если не ряд испытаний, после которых мы впадаем или в добровольную зависимость, или в упорное непокорство? Отдать или удержать себя, признавать с любовью нашу зависимость или горделиво ее отрицать – вот прогресс в добре или во зле, к которому нас обязывает опасное право свободы. Если Ангелы свободны, как мы, и еще более, чем мы, они не могли избежать условия испытания. Св. Писание не открывает нам, какого рода оно было, но сообщает о его последствиях, которые существенно отличаются от наших; у нас весь род подвергся падению, именно потому, что мы составляем род и что в таком образе существования судьба всех личностей связана общностью по естественному порядку.

Об испытании Ангелов Св. Писание упоминает, что некоторые Ангелы «не сохранили своего достоинства», что они «оставили свое жилище» (Иуд. 6), между тем как другие Ангелы названы «святыми» и «избранными». Первые отвергли начало своего существования, волю их Создателя, т. е. признали свою собственную волю основанием своих действий; они через это изверглись из области истины в область лжи, и их существование утратило основы; они не живут подобно святым Ангелам в Боге, от Которого отпали; они тоже не могут наслаждаться, подобно людям, земными благами, которые для людей грешных служат утешением в утрате истины. Они живут и действуют в пустоте, которую стараются наполнять своими лживыми представлениями; им остается за утратой Бога только борьба против истины и добра и соблазн других свободных существ стремлением увлечь их за собой. Святые Ангелы, напротив, повинаясь воле Бога, сделались сопричастниками Его власти и Его действий; они радостные деятели в той сфере вселенной, к которой каждый из них приставлен. Иисус Христос говорит, что при Его чудесах «Ангелы восходят и нисходят к Сыну Человеческому» (Ин. 1, 51). Следуя своему призванию и как означает их имя Ангелов, они вестники неба, орудия Бога; в Нем они обретают действительность своей жизни и своей деятельности.

Какое отношение имеют святые Ангелы к человечеству? С самого начала Господь восхотел соединить все человечество через Евангелие; но есть единство более обширное, чем единство одного человечества, и не менее предопределенное Богом, – это единство всех существ, составляющих мир нравственный, Царство Небесное в самом широком смысле. Союз этот должен осуществиться во втором пришествии Иисуса Христа. Искушение и падение первого человека впервые доказывает отношение между обоими мирами; сатана старался отвлечь человека от повиновения, но что могут сделать его лукавство и его победы против Вечной Премудрости?

Падение человечества послужило только к большему прославлению Промысла Божия. Через грех человеческий сатана, быть может, остался временным обладателем земли, а сколько наложил он оков! Язычество и идолопоклонство, кровавые войны, терзания смерти и в особенности грех, влекущий за собой угрызения совести, – вот явления его власти в нашем человечестве и трофеи его побед на нашей земле. Но Господь избрал поборника против «Князя мира сего» в Сыне Божием, Который нисшел до человечества и осуществил образ полного повиновения, от Которого павший ангел и первый человек отклонились.

Какое же участие принимают святые Ангелы в деле спасения людей? Участие их и созерцательное, и действительное. В начале они возрадовались сотворению человека, потом они

были помощниками пророков, которые приготавливали пришествие Спасителя; когда Иисус Христос явился, они Его окружили толпой преданных вестников, восходя и нисходя по Его повелению, как орудие Божественных действий в физическом мире, и, наконец, они первые провозгласили воскресение Иисуса Христа, так же как они возвестили Его рождение. Со времени установления Церкви они постоянно взирают на это созидание любви Божественной; они благоговейно созерцают в ней действия премудрости: «дабы сделалась известною через церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия» (Еф. 3, 10). В этом хранилище духовной жизни они созерцают различные пути, по которым Господь привлекает ко Христу сердца людей и спасает тех, которые были погибшими.

Им праздник каждый раз, когда один из грешников, который был мертв, вернулся к жизни. Созерцая, они радуются, плачут иногда и всегда прославляют Бога; наконец, они «посылаются для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1, 14). Ибо Бог любви соединяет любовью все существа, которые Он сотворил. Его любовь – для всех: любовь всех к нему, и любовь всех ко всякому составляет славу Его царства; и поэтому Он хочет, чтобы мы помогали друг другу и чтобы отношения взаимной помощи существовали бы даже между Ангелами и людьми.

Как вид звездного неба расширяет наши понятия о физическом мире, так и вера в существование Ангелов умножает для нас беспредельность Царства Божия. Кто не почувствует также, насколько эта вера усиливает наш страх и усугубляет наше отвращение от греха? Не заставляет ли она видеть в каждом искушении нападения пагубного врага, в каждом грехе – наше соучастие, не только преступное, но и безрассудное?

Об Ангелах (Размышления христианина). СПб., 1894

Глава 2

Невидимый мир Ангелов

О святых ангелах

Ангелы... Что же они такое? Что это за существа? Много ли их? Что делают, как живут они на Небе? Бывают ли они когда-нибудь на земле у нас?

Что такое Ангелы? У всех народов во все времена вместе с врожденной мыслью о Боге всегда жила мысль и то или иное понятие и о мире ангельском. И мы хотя и не видали Ангелов телесными очами, но можем начертать их образ, можем сказать, что они за существа: в нашей душе глубоко внедрена мысль о них; мысленно каждый из нас представляет себе Ангелов.

Ангел... Не правда ли, когда мы своими устами произносим это слово, или слышим его произносимым устами других, или когда мы размышляем об Ангеле, то всякий раз это имя вызывает в нас представление о чем-то необыкновенно светлом, чистом, совершенном, святом, прекрасно-нежном, о чем-то таком, к чему невольно рвется душа, что она любит, пред чем преклоняется? И все, что ни подмечаем мы на земле святого, светлого, чистого, прекрасного и совершенного, – все это есть у нас склонность называть и обозначать именем Ангела. Смотрим мы, например, на миловидных детей, любуемся их доверчивыми глазами, их наивной улыбкой и говорим: «как Ангелы», «ангельские глаза», «ангельская улыбка». Слышим стройное, умиленное пение, звонкие, нежные голоса, прислушиваемся к их всевозможным переживаниям и мелодиям, то тихо-грустным и задумчивым, то восторженно-торжественным и величественным, и говорим: «Словно на небе, как Ангелы поют». Побываем ли мы в семье, члены которой живут во взаимном согласии, взаимной любви, молитве, где все носит на себе печать какой-то тихости, кротости, какого-то необыкновенного мира, где невольно душа отдыхает, – побываем в такой семье и говорим: «Живут, как Ангелы». Поразит ли наш взор какая-либо необыкновенная красота, опять скажем: «ангельская красота». И если нас попросят, если поручат нам нарисовать Ангела и если мы владем красками, как изобразим мы его? Непременно в виде прекрасного юноши в белоснежной одежде, со светлым, ясным лицом, чистым взором, с белыми крыльями – словом, постараемся изобразить нечто привлекательное, нежное, чуждое земли и всего чувственного. И чем ярче в нашем рисунке отпечатаем мы эту отчужденность от земли, эту как бы воздушность, легкость, духовность, эту бесплотность, небесность, тем и рисунок будет совершеннее, тем больше взоров привлечет он к себе, тем яснее он будет напоминать взирающим о небожителе. Итак, вот, стало быть, что такое Ангелы, как об этом говорит нам прежде всего наше внутреннее чувство, внутреннее духовное чутье, наш внутренний непосредственный опыт.

С именем Ангела у нас связывается понятие обо всем самом для нас дорогом, святом, привлекательном, чистом, совершенном, прекрасном, неземном. Ангел преднаписуется нашему внутреннему взору как существо не от мира сего, духовное, свободное от всякой грубости и чувственности, словом, как существо небесное. И что внутреннее наше чувство говорит нам об Ангелах, быть может, не совсем ясно, смутно, то с особенной ясностью и очевидностью открывает нам слово Божие.

Слово Божие – это весть с Неба и о Небесном. И чем чаще и глубже вчитываемся мы в него, тем ближе становится к нам и мир Небесный – ангельский, тем осязательнее станем чувствовать мы его нашим сердцем, тем как бы отчетливее станут доноситься до нашего внутреннего слуха его победные песни. Как в чистой воде отражаются солнце и звездное небо, так

и в слове Божиим – этом источнике воды живой – отражается небо духовное – мир ангельский; в слове Божиим мы видим Ангелов как бы предстоящими перед нами.

По своей природе, учит нас слово Божие, Ангелы – это духи. Не все ли суть служебные духи, – говорит ап. Павел, – посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1, 18). «Желаешь знать, – говорит блаж. Августин, – имя его (Ангела) природы? Это – дух. Желаешь знать его должность? Это – Ангел. По существу своему он – дух, а по деятельности – Ангел». Но Ангелы – духи, не связанные, подобно нашему духу, плотью, которая противостоит духу, пленяет его законом греховным, стесняет, обрывает его полеты к небу, тянет постоянно к земле. Ангелы – духи свободные от всякой плотяности, ее законы для них чужды. Не мучит их голод, не томит их жажда. Неведом им потому и весь труд наш упорный при снискании хлеба насущного. «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 17–19). Этот грозный приговор Божественного правосудия изречен только падшему человеку, а Ангелы до конца пребыли верными Творцу своему. Терния и волчцы не растут на небе, пот не изнуряет лица ангельского. Они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, их не сушит забота о завтрашнем дне; наша борьба за хлеб, за существование, наши взаимные из-за этого распри, раздоры, войны, гнев, ненависть, зависть незнакомы духам бесплотным. Правда, они испытывают голод и чувствуют жажду, но не наш голод с болью, не нашу жажду со страданием. Их голод – никогда не перестающая потребность насыщаться сладостью созерцания красоты Божественной, сладостью познания премудрости вечной, насыщаться единым хлебом живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.